

Журнал
"Родная земля"
1919 (7 Киев),
№ 2.

„Гавриліада“ Пушкина.

(По поводу издачія В. Брюсова).

I.

Отмѣна нѣкоторыхъ цензурныхъ стѣсненій позволила издать одно за другимъ нѣсколько произведеній, связанныхъ между собой, если не общимъ характеромъ и деселостью сюжета, то судьбой. Были изданы „Опасный Сосѣдь“ В. Л. Пушкина,) когда-то популярный въ арзамасской средѣ, плѣнившій А. С. Пушкина живостью дѣйствія и чистотою рѣчи и заслужившій лестные отзывы у Батюшкова, Воейкова, Гнѣдича, „Попѣ“, поэма И. С. Тургенева, ^б) авторство которой долго приписывалось Лонгинову, однако, типичная для манеры Тургенева, написанная въ гѣхъ сочныхъ реалистическихъ краскахъ, которыя были для него столь характерны, и, наконецъ, „Гавриліада“ Пушкина, давно уже окруженная ореоломъ скверной славы и одинаково недоступная не только любителямъ „поэтическихъ вольностей“, но и большинству специалистовъ-пушкиновѣдовъ. Всѣ эти „шалости пера“ или „проказы рѣзвой юности“ были одинаково подъ запретомъ, хотя и давно перепечатывались за-границей, въ Россїи же они ходили въ рукописяхъ, тщательнo хранились въ фамильныхъ архивахъ или въ пыли дѣдовскихъ библиотекъ, и были вѣчно и недоступною мечтою библиофиловъ. Своего возстановленія ждуть еще „юнкерскія поэмы“ Лермонтова, вродѣ „Уланши“, „Петергофскаго праздника“, „Сашки“, впрочемъ, тоже уже напечатанныя за-границей въ полномъ видѣ (*). Историкъ литературы не вправѣ пренебрегать столь значительной группой давно „отверженныхъ“ произведеній, вглядываясь въ нихъ пристально, онъ можетъ замѣтить ихъ внѣшнее и внутреннее родство, установить между ними преемственную связь, подчасъ неуловимое сходство въ трактовкѣ сюжета или деталяхъ стилия, въ особенностяхъ поэтической манеры, въ фактурѣ стиха. Сравнительный анализъ этихъ поэмъ могъ бы быть во многихъ случаяхъ небезполезнымъ, а иногда и необходимымъ. Быть можетъ, для произведеній этого рода можно было бы даже говорить объ особенностяхъ традиціи или установить цѣлую школу рукописныхъ поэмъ, столь распространенныхъ въ николаевскую пору, благодаря строгостямъ „чопорной цензуры“. Такъ, несомнѣнно, детали связываютъ и названныя здѣсь „вольныя поэмы“ А. С. Пушкинъ отъ В. Л. Пушкина могъ научиться „вольному разсказу“ и занимательности сюжета. Въ „Попѣ“ Тургенева не трудно видѣть отзвуки Пушкина и Лермонтова, отъ перваго Тургеневъ взялъ его „поэтическую прозрачность“, отъ втораго—рѣзкія и сочныя краски и саркастическій тонъ въ отступленіяхъ.

Всѣ изданныя поэмы помимо новизны, имѣютъ еще и научное значеніе, но первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, конечно, Пушкинской „Гавриліадѣ“. „Гавриліада“ особенно дорога намъ не только потому, что она связана съ именемъ Пушкина. Нужно быть окончательно предубѣжденнымъ, чтобы отказать ей въ прекрасномъ мастерствѣ. Но для насъ „Гавриліада“ представляетъ нѣчто большее, чѣмъ одну лишь „прекрасную шалость“, какою она была для кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева; она помогаетъ намъ отчетливѣе оцѣнить для Пушкина значеніе нѣкоторыхъ литературныхъ образцовъ, даетъ намъ представление о настроеніяхъ поэта въ пору его ссылки; признание хотя бы этихъ фактовъ должно было разрушить предрасудокъ о ея ничтожномъ историко-литературномъ значеніи, но достаточно оцѣнить ея поэтическія красоты,—четкость образовъ, отдѣлку стиха, чтобы

^а) „Библиотѣка Вольнаго Слова“ № 3, Петроградъ, 1917.

^б) Москва, 1917, изд. Л. Э. Бухгеймъ

) „Русскїи Эроть Не для дамъ“, 1879.

предразсудокъ этотъ былъ бы отброшенъ, какъ изжитый. Внѣшнія достоинства поэмы бросались въ глаза и тѣмъ, кто отрицательно относился къ ея религиозному свободомыслию. Н. Огаревъ, первый издатель поэмы, указавъ на то, что ея содержаніе „проникнуто религиознымъ и политическимъ вольномысліемъ“, призналъ ея „языкъ и форму“ „бесконечно изящными“. „Для насъ—пишетъ Огаревъ,—очень важна эта сторона неприличныхъ стихотвореній Пушкина; мы слишкомъ неизбѣжно видимъ, какъ съ отсутствіемъ изящности формъ въ жизни, на долю стихотвореній неприличнаго содержанія остается только неприличность и устраняется все изящное. „Гавриліада“, принадлежащая къ произведеніямъ ранняго возраста поэта, безъ сомнѣнія отзывается вліаніемъ Парни. Рассказъ Сатаны о томъ, какъ и почему онъ научилъ Еву отвѣдать запретнаго плода, и прилетѣть голубя имѣютъ всю силу и прелесть лучшихъ позднѣйшихъ произведеній Пушкина“. Нѣсколько далѣе Огаревъ добавляетъ: „Пушкинъ довелъ стихотворенія эротическаго содержанія до высокой художественности, гдѣ уже ни одна грубая черта не высказывается угловато и все облечено въ поэтическую прозрачность“. Этотъ отзывъ безспорно замѣчателенъ своей критической тонкостью, но онъ особенно любопытенъ въ устахъ Огарева и объясняетъ многое въ его отношеніяхъ къ Пушкину. Сильно подчеркнутый религиозный моментъ личнаго творчества Огарева не допускалъ возможности его увлеченія религиознымъ вольномысліемъ или мнимымъ либерализмомъ Пушкинской поэмы. Но издавая ее, Огаревъ подчеркивалъ это изящество формы и ея право на вниманіе именно съ этой стороны.

Въ отношеніяхъ Огарева къ Пушкину было нѣчто, напоминавшее отношенія къ Пушкину Лермонтова (ср., напр., посвященныя Пушкину строфы въ „Юморъ“, такъ сильно напоминающія „На смерть Пушкина“ Лермонтова) — преклоненіе передъ мастерствомъ, очарованность имъ и попытки подражанія, несмотря на различіе душевныхъ организацій. Наконецъ, увлеченіе религиознымъ вольномысліемъ было въ эпоху Огарева окончательно изжитымъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, какія оно приняло въ „Гавриліадѣ“, да и самъ Парни, служившій для насъ образцомъ въ пору созданія своихъ поэмъ, былъ лишь послѣднимъ и нѣсколько запоздавшимъ отзвукомъ Вольтеровскаго скептицизма. Такимъ образомъ, Огаревъ не могъ опасаться, что изданіе поэмы принесетъ скверные плоды, но замѣчательно, что онъ оцѣнилъ ея значеніе. „Гавриліаду“ Огаревъ могъ знать отъ Анненкова, съ которымъ онъ находился въ дружеской перепискѣ въ пору работы Анненкова надъ Пушкинымъ; отъ него могъ онъ долучить и увлеченіе работой надъ изданіемъ и комментированіемъ поэта; на это есть и нѣкоторые намеки въ его письмахъ. Любопытно, что и Анненковъ, столь строгій въ вопросахъ нравственности, такъ скоро, напр., осудившій кружокъ „Зеленой Лампы“, основавшійся исключительно на легендѣ Бартенева объ его оргіастическомъ направленіи *), а позднѣе такъ упрекавшій Ефремова за то, что онъ „блеклые цвѣты Пушкинской секретной производительности“ „вплелъ въ одинъ вѣнокъ съ самыми роскошными, чистыми, благородными цвѣтами Пушкинской музы“ **), склоненъ былъ видѣть въ поэмѣ нѣчто большее, чѣмъ одно лишь „щегольство“ и „прекрасную шалость“. По его мнѣнію, поэма была „написана въ видѣ отвѣта на торжество клерикальной партіи“ ***). Бартеневъ, со словъ друзей поэта, и можетъ быть, желая освободить Пушкина отъ слишкомъ пристрастныхъ нападокъ за поэму, писалъ такъ: „Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее просто изъ молодого литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что-нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни“. А. Незеленовъ, высказывая ту же мысль, но относя этотъ „задоръ“ исключительно на долю Вольтера, добавлялъ слѣдующее: Пушкинъ „къ сожалѣнію достигъ цѣли, пошелъ по послѣдовательности русскаго ума дальше своего учителя“ ****). Въ этомъ предубѣжденіи много упорства и доля наивности: комментаторамъ казалось непонятнымъ, какъ прекрасное могло быть заключено въ безнравственныя формы, но это „прекрасное“, бросаясь въ глаза, отмѣчалось и ими, какъ отрицательный признакъ. Дурная слава, упрочившаяся за поэмой Пушкина со времени знаменитаго о ней процесса, оброставшая съ теченіемъ времени легендами и вымыслами, не такъ быстро хоронила поэму, какъ строгіе приговоры, какіе ей были вынесены комментаторами Пушкина. Тому же Незеленову, напр., она казалась „самымъ печальнымъ событіемъ“ дѣятельности Пушкина и всего лишь „грязно-циническою вещью“. Авторитетамъ приходилось вѣрить на слово, такъ какъ исключалась возможность провѣрки этихъ приговоровъ по личному впечатлѣнію. Ссылались на то, что о поэмѣ самъ Пушкинъ не любилъ вспоминать и отрекся отъ нея, и это было, къ сожа-

*) П. Е. Щегольовъ, Пушкинъ, стр. 1—2.

**) П. В. Анненковъ и его друзья, Спб. 1892: Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ, стр. 440.

***) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 145—146.

****) Бартеневъ. «Русск. Арх.» 1866, стр. 1179; А. Незеленовъ. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 98.

лѣнію, достаточнымъ поводомъ для того, чтобы изъять ее изъ научнаго обихода. Поэма игнорируется, какъ біографическій источникъ; историко-литературный анализъ ея почти не коснулся. Поэтому изданіе В. Брюсовымъ полнаго текста «Гавриліады» нужно признать крупной заслугой, имѣющей безспорное научное значеніе, тѣмъ болѣе, что она должна оказать замѣтное вліяніе на ходъ работъ по изслѣдованію Пушкина среди специалистовъ, для которыхъ изданіе, главнымъ образомъ, и предназначено. Первымъ издателемъ поэмы былъ Н. Огаревъ (Русская потаенная литература XIX стол. Лондонъ 1861); за этимъ изданіемъ слѣдовали—анонимное заграничное изданіе 1898 г.; берлинское изданіе Гуго Штейница 1904 г. *). Отрывки поэмы опубликовывались періодически и въ Россіи: Гербелемъ—въ журналѣ „Время“ 1861 г.; Гаевскимъ—въ „Современникѣ“ 1853 г., въ статьѣ о Дельвигѣ (это указаніе Ефремова не принято Брюсовымъ во вниманіе); Ефремовымъ—въ „Библиографическихъ запискахъ“ 1861 г.; и въ его изданіи соч. Пушкина 1880 г. Дополнительные стихи даны были въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 г. и „Остафьевскомъ Архивѣ“ 1899 г., кн. 2; отрывки изъ поэмы печатались всѣми издателями Пушкина послѣ изданія Ефремова, но даже въ изданіяхъ Морозова, Венгерова и Академическомъ приведено не больше половины поэмы. Изданіе В. Брюсова является, такимъ образомъ, первымъ полнымъ текстомъ, появляющимся въ Россіи **). „Гавриліада“ въ изданіи В. Брюсова вышла уже вторымъ изданіемъ; первое, выпущенное въ количествѣ 50 экземпляровъ, разошлось въ три дня. Второе изданіе разчитано на болѣе широкий кругъ читателей, а потому въ поэмѣ „по тщательному размышленію“ опущено около 9-ти стиховъ ***). Книга все же предназначена преимущественно для лицъ, изучающихъ Пушкина, а потому текстъ сопровождаютъ примѣчанія, гдѣ даны указанія по критикѣ текста и біблиографическія („рукописи“, „изданія“, „современныя свидѣтельства“, „заглавіе, посвященіе и планъ“, время написанія и т. д.). Издатели скромно заявляютъ, что они „не имѣютъ притязанія дать научное изданіе“, удовлетворяющее всѣмъ строгимъ требованіямъ: для этого необходимо было бы располагать рукописными матеріалами. Наша работа лишь первое начинаніе въ этомъ направленіи“. Какъ общее историко-литературное вступленіе, перепечатана статья В. Брюсова изъ 2-го тома соч. Пушкина подъ ред. Венгерова. Замѣчаніе, что она „вновь просмотрѣна и пополнена“, однако, не вѣрно: статья перепечатана почти безъ всякихъ измѣненій, но важна уже по тому, что была одной изъ первыхъ работъ, посвященныхъ поэмѣ.

Наиболѣе важной частью книги является текстъ. Какъ извѣстно, рукописи Пушкина не сохранилось. Пушкинъ, какъ свидѣтельствуемъ Бартеновъ, „всячески истреблялъ списки, запрашивалъ, отнималъ ихъ“. Одинъ изъ списковъ поэмы Пушкинъ прислалъ Вяземскому между 7—10 декабря

*) А. К. Елачичъ указалъ намъ также, что полностью поэма была издана въ Константинополѣ. О константинопольскихъ изданіяхъ русскихъ поэтовъ до сихъ поръ извѣстно очень мало. Въ Константинополѣ, между прочимъ, какъ сообщилъ намъ І. А. Дондаровъ, былъ изданъ Лермонтовъ, съ иллюстраціями, отгиснутыми на шелку.

***) Москва. Изд. „Альціона“ (1918 г.).

***) Следъ за изданіемъ В. Брюсова появилось множество другихъ изданій, не только копирующихъ, но и искажающихъ его текстъ. Одно изъ такихъ изданій появилось и въ Кіевѣ: „Гавриліада“, полный текстъ поэмы, Библиотека „Куранты“ № 1, Кіевъ 1918. Текстъ, однако, напечатанъ съ пропусками и съ ошибками. Тексту предшествуетъ краткое введеніе, составленное по статейкѣ В. Брюсова, но искажающее и ее. Барсуковъ названъ здѣсь Бажуковымъ, но всего удивительнѣе невѣжество комментатора. Онъ, напр., пишетъ: „Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву Пушкинъ хвалитъ чью-то уморительную поэму „Елисей“ (sic!). Въ концѣ введенія, съ развязностью, недостойной Пушкина, комментаторъ заявилъ, что онъ представляетъ специалистамъ филологамъ установитъ, насколько въ поэмѣ Пушкина сильно вліяніе Парни и Вольтера, но для „эстетически настроеннаго читателя“, которому и уготовано изданіе Курантовъ, видимо достаточно этой стряпни, этого собранія непровѣренныхъ или завѣдомо ложныхъ фактовъ. Для большей вѣрности къ изданію приложено еще факсимиле одной изъ страницъ Кишиневской тетради Пушкина съ наброскомъ программы „Гавриліады“.

Кстати будетъ здѣсь поставить вопросъ: насколько эстетически настроенный читатель вообще нуждается въ „Гавриліадѣ“, а она—въ повсемѣстномъ и широкомъ распространеніи?

За „эстетически настроеннаго“ читателя вступилась и правительственная инициатива; въ Одессѣ, по сообщенію „Одесскаго Листка“, уже состоялся судъ по обвиненію одного изъ журналистовъ въ кощунствѣ за переизданіе „Гавриліады“. Въ Кіевѣ изданіе „Курантовъ“ было привѣтствуемо довольно шумно. Не обошлось, впрочемъ, и безъ курьезовъ. Въ газетѣ „Наша Родина“ № 5, 1918 г., отдѣлъ «Хроника», подъ заглавіемъ «Обманъ» напечатано было слѣдующее заявленіе; „Въ городѣ распространяется выпущенная издательствомъ „Куранты“ поэма, носящая названіе „Гавриліада“. Издательство приписываетъ эту порнографическую «поэму» перу А. С. Пушкина, для большай убѣдительности чего даже приводятся какія-то «данныя» и «доказательства». Обращаемъ вниманіе публики на этотъ грубый обманъ, тѣмъ болѣе, что самъ А. С. Пушкинъ неоднократно опровергалъ свое авторство въ „Гавриліадѣ“. О „Гавриліадѣ“ см. еще замѣтки Б. М.—а въ „Русскомъ Голосѣ“, № 95, и Н. Г.—и въ журналѣ „Наши Дни“ № 21.

1822 г. Ефремовъ, указавъ на это, сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Эта рукопись *несомнѣнно* должна найтись въ Остафьевскомъ архивѣ, такъ какъ кн. Вяземскій *никогда* не выпускалъ изъ него *ничего*, туда попадавшего“ *). Между тѣмъ, въ библиотекѣ кн. Вяземскаго на экземплярѣ „Стихотвореній А. С. Пушкина“, 1870, Берлинъ, нашлась слѣдующая надпись, сдѣланная его рукой: „У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ „Гавриліады“, имъ мнѣ присланный. Должно съечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему. Списокъ ~~этотъ~~ до сихъ поръ найденъ не былъ.“

Въ основу текста В. Брюсовъ положилъ текстъ изданія Огарева, быть можетъ, наиболѣе исправный, но свѣряя его съ другими изданіями; нѣ одно изъ нихъ Брюсовъ справедливо не можетъ признать вполне авторитетнымъ: текстъ академическаго изданія основанъ на „старинной копій, принадлежавшей В. Е. Якушкину“, происхожденіе текстовъ изданій Ефремова, Морозова, Венгерова—неизвѣстно. Изъ рукописныхъ копій Брюсовъ впервые пользовался еще анонимнымъ спискомъ 50—60 г.г. До сихъ поръ неизвѣстенъ тотъ списокъ поэмы, который, по указанію „Новаго Времени“, 1903 г., имѣлся въ „собственной его величества библиотекѣ“; онъ, однако, можетъ оказаться наиболѣе авторитетнымъ. На основаніи тщательнаго стилистическаго анализа, В. Брюсовъ возстановляетъ предполагаемый текстъ. „Мы слѣдуемъ правилу филологической критики, требующей предпочитать чтеніе болѣе трудное“, говоритъ В. Брюсовъ, и этотъ принципъ послѣдовательно примѣненъ имъ во всѣхъ случаяхъ, вызывающихъ сомнѣніе. Значительное количество исправленій относится къ правописанію и пунктуаціи, но и въ болѣе сложныхъ случаяхъ у Брюсова достаточно критической тонкости, чтобы не впасть въ ошибку. Проверка справедливости анализа, впрочемъ, стоила бы спеціальнаго разбора. Должны найтись еще нѣсколько списковъ, до сихъ поръ хранившихся тайно, и свѣрка съ ними принятаго Брюсовымъ текста окончательно утвердить его или исправить. Наконецъ, до сихъ поръ еще не исключена возможность нахождения автографа Пушкина, а пока—текстъ Брюсова слѣдуетъ признать предположительно исправнымъ.

Исторія созданія „Гавриліады“ и отреченіе отъ нея Пушкина все еще темна. Въ своей статьѣ, посвященной этой исторіи, повторенной въ изданіи, о которомъ идетъ рѣчь, В. Брюсовъ привелъ достаточно доказательствъ тому, что авторство Пушкина несомнѣнно. Новѣйшій скептицизмъ нѣкоторыхъ писавшихъ о поэмѣ (Н. Барсуковъ, В. Каллашъ), основанный исключительно на темной исторіи отреченія и заперательства Пушкина, отнынѣ долженъ быть сданъ въ архивъ. В. Брюсовъ ставитъ „Гавриліаду“ въ связь съ настроеніями Пушкина Кишиневскаго періода, рассказываетъ исторію ея замысла и созданія, и отводитъ ей мѣсто въ ряду другихъ произведеній Пушкина; но историко-литературнаго анализа онъ касается лишь отчасти: было бы весьма своевременнымъ указать, на примѣръ, параллели изъ тѣхъ поэмъ Парни, на зависимость отъ которыхъ „Гавриліады“ указывали достаточно часто, начиная отъ Огарева, но по цензурнымъ соображеніямъ всегда бездоказательно. Работа надъ „Гавриліадой“, впрочемъ, только начинается, и изданіе В. Брюсова важно уже тѣмъ, что оно способствуетъ этому въ значительной мѣрѣ. Въ настоящей замѣткѣ, мы сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій, въ надеждѣ, что они не окажутся бесполезными.

Дѣло о „Гавриліадѣ“ возникло по слѣдующему поводу. Статсъ-секретарь Николай Назарьевичъ Муравьевъ, въ письмѣ къ графу П. А. Толстому отъ 29 іюня 1828 г., свидѣтельствуетъ, что крѣпостные люди отставнаго штабсъ-капитана В. Ф. Митькова „принесли къ Высокопреосвященному Серафиму прошеніе, что господинъ ихъ развращаетъ ихъ въ понятіяхъ Православной, ими исповѣдуемой Христіанской вѣры, прочитывая имъ изъ книги его рукописи нѣкое развратное сочиненіе подъ заглавіемъ „Гавриліада“, и представили Высокопреосвященному митрополиту и ту самую книгу“. Дѣло началось и дошло до Государя. Неизвѣстно, какая кара постигла Митькова, но любопытно, что на одномъ изъ докладовъ комиссіи по разслѣдованію дѣла, представленномъ Николаю I, онъ сдѣлалъ отмѣтку: „Желаю знать подробнѣе, что послѣдуетъ, и повторяю, что если сей Митьковъ тотъ самый, который служилъ въ Финляндскомъ полку, то онъ требуетъ весьма строгаго надзора и дурной и фальшивый челоуѣкъ“. Комиссія, вновь представляя по сему поводу собранныя ею свѣдѣнія, сообщала: „Преслѣдуя дѣло сіе со всѣмъ вниманьемъ, коего оно заслуживаетъ, не могла по предмету извѣстной поэмы Гавриліада найти Митькова виновнымъ, ибо доказано, что онъ не читалъ ее людямъ и не внушалъ имъ невѣрія. Главная виновность заключается тутъ въ сочинителѣ. Комиссія старается найти онаго. Пушкинъ письменно объявилъ, что поэма сія не имъ писана **).“

*) Соч. Пушкина, изд. Суворина, VIII, 393, курсивъ подлинника.

**) В. Щегловъ. Новые документы о „Гавриліадѣ“ „Стар. и Новизна“, т. XIII, стр. 1—2.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что, излагая исторію процесса о „Гавриліадѣ“, В. Брюсовъ могъ дополнительно использовать рядъ источниковъ, оставленныхъ имъ безъ вниманія. Такъ, въ допол-

Неизвѣстно, какъ доказана была невиновность Митькова, но всё усилія комиссіи были направлены къ раскрытію автора поэмы. Неизвѣстно также, почему комиссія обратилась къ Пушкину; на него при допросѣ могъ указать Митьковъ, его имя могло стоять въ рукописи. Къ дѣлу проявленъ былъ столь повышенный интересъ, что письмомъ Пушкина, гдѣ онъ отказывался отъ поэмы, дѣло не ограничилось. По приказанію Государя графу Толстому, былъ произведенъ устный допросъ, гдѣ, снова отрицая свое авторство, Пушкинъ рассказывалъ, что, отъ кого онъ получилъ рукопись, онъ не помнитъ, что она ходила между офицерами гусарскаго полка, и, между прочимъ, добавлялъ: „осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я наиболѣе раскисаю, нѣтъ ни слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе жалкое и постыдное“. Это сказано въ 1828 г., когда Пушкинъ могъ говорить это со спокойной совѣстью. „Зная лично Пушкина, я его слову вѣрю“, написалъ Николай на докладѣ по этому поводу, но тутъ же выразилъ желаніе, чтобы Пушкинъ „помогъ правительству открыть подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ“. Пушкинъ былъ призванъ къ допросу третій разъ, но испросилъ разрѣшеніе писать прямо къ Государю. Нераспечатаннымъ письмо его было доставлено Николаю. Содержаніе его остается неизвѣстнымъ, дѣло, однако, было прекращено.

На основаніи «Записокъ» кн. Голицына обычно полагаютъ, что въ письмѣ этомъ было заключено признаніе; Пушкинъ прибѣгалъ къ великодушію Государя „припертый къ стѣнѣ“. Такимъ образомъ, есть основаніе отбросить главный аргументъ противниковъ авторства Пушкина—его личный отказъ отъ поэмы; второй—приписываніе ея Пушкинымъ кн. Д. П. Горчакову—основанъ на малодостоверныхъ свидѣтельствахъ; одно изъ нихъ (неизвѣстный Брюсову) принадлежитъ Н. С. Селивановскому, въ его „Запискахъ“, который, рассказавъ о Радищевѣ и его судьбѣ, напоминаетъ и другую подобную же исторію. „Вспомнимъ еще одного русскаго писателя, подвергшагося той же участи“, говоритъ онъ, „это Горчаковъ, авторъ Г(авриліады), глупой... поэмы, напечатанной и переведенной имъ съ французскаго. Мнѣ не случилось имѣть ее въ рукахъ; но сколько слышалъ въ ней были мѣста поэтическія. Кто-то мнѣ сказывалъ, что профессоръ Мерзляковъ однажды прочиталъ ее всю одному пріятелю и сжегъ въ печи“ *). „Записки“ Н. С. Селивановскаго, какъ указали уже его первые издатели, „нуждаются въ критической провѣркѣ“, кромѣ того, ихъ авторъ могъ слышать легенду о принадлежности „Гавриліады“ Горчакову: ее пустилъ самъ Пушкинъ на допросъ, и о томъ же сообщалъ въ извѣстномъ письмѣ къ кн. Вяземскому. Каллашъ, защищавшій авторство Горчакова, пошелъ на уступки и допустилъ, что поэма Пушкина была лишь подражаніемъ Горчакову: въ числѣ произведеній Горчакова были, правда, легкомысленныя поэмы, которыя по общему характеру могли напоминать „Гавриліаду“, но они уже утрачены, сгорѣвъ въ числѣ его прочихъ бумагъ **), и это сомнительное предположеніе не можетъ быть доказано ничѣмъ. Зато авторство Пушкина доказывается рядомъ убѣдительныхъ доводовъ. Кн. Вяземскій, посылая А. И. Тургеневу отрывокъ изъ поэмы, писалъ ему: „Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою шалость“. Въ Кишиневской тетради есть наброски программы, которую нельзя толковать иначе, какъ замыселъ „Гавриліады“, тамъ же есть черновикъ стихотворенія, который, несомнѣнно, представляетъ собою посланіе, „en voi“ къ Вяземскому или Бестужеву, при посылкѣ поэмы. Наконецъ, убѣдительнымъ кажется тотъ анализъ стіля поэмы, который произвелъ Брюсовъ, сравнительно съ другими произведеніями Пушкина, и то еще, что ея отдѣльныя мѣста могутъ быть сравнены съ нѣкоторыми стихотвореніями: стихи 329—355 со стихотвореніемъ „Платоническая Любовь“ (1819); стихи 113—116 со стихами „Любовь одна—веселье жизни хладной“ (1816) и т. д. Въ авторствѣ Пушкина, такимъ образомъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній ***).

неніе къ документамъ, опубликованнымъ въ XV книгѣ „Старины и Новизны“, Спб. 1911, 184—213. Б. Модзалевскій опубликовалъ еще два новыхъ документа, касающихся В. Ф. Митькова и сообщающихъ нѣсколько интересныхъ черточекъ о процессѣ (Пушкинъ и его современники, вып. XVII—XVIII, стр. 73—76). Указаній на эти опубликованія было бы весьма естественно ждать въ книгѣ, предназначенной для специалистовъ и въ библиографическомъ отношеніи составленной довольно внимательно. Эта небрежность объясняется механической перепечаткой статьи Брюсова изъ Венгеровскаго изданія Соч. Пушкина, вышедшей въ свѣтъ, когда эти документы еще не появлялись въ печати.

*) „Библиографическія Записки“, 1858, № 17, стр. 518—519.

***) Н. К. Пиксановъ. Д. П. Горчаковъ. Соч. Пушкина, Бр. Ефр., I, стр. 182.

***) Кстати будетъ прибавить здѣсь, что въ заграничныхъ „Собраніяхъ запрещен. стих. А. С. Пушкина“ (Э. Каспровича, Лейпцигъ, 1873, стр. 72) печатается обычно отрывокъ „Къ Х...“, который можно было бы поставить въ связь съ настроеніями „Гавриліады“:

II

Исторія созданія „Гаврилады“ была разсказана много разъ, но условія ея возникновенія достаточно освѣщены еще не были. „Кишиневскія вольности“ изгнанника — поэта состояли изъ кутежей, увлеченій, дуэлей. Не было конца его безпечнымъ забавамъ и шалостямъ.

Фантазія Пушкина, какъ выразился Анненковъ, была въ „горячечномъ состояніи.“ Еще осенью 1821 г. кончивъ „Плѣнника,“ Пушкинъ писалъ Дельвигу, что у него въ головѣ уже бродятъ новыя поэмы. Онъ начиналъ ихъ, бросалъ, уничтожалъ написанное; „Вадимъ“ остался незавершеннымъ, „Раабойниковъ“ Пушкинъ сжегъ, и только „Бахчисарайскій Фонтанъ“ дошелъ до насъ въ полномъ видѣ. Рисунки кишиневскихъ тетрадей изображаютъ танцующихъ чертей, пытки и казни; въ связи съ ними находится, быть можетъ, замыселъ той поэмы, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Она осталась ненаписанной. Но надъ „Гавриладой,“ какъ можно догадаться, Пушкинъ работалъ упорно и долго. Ея замыселъ относится къ лѣту 1821 г.; она была окончена зимой 1822-го—и тогда же отослана кн. Вяземскому. Въ письмѣ къ послѣднему, Пушкинъ нѣсколько позднѣе выражалъ досаду, что въ „Полярной Звѣздѣ“ хвалятъ „холоднаго однообразнаго Осипова“ и обижаютъ Майкова, „Елисей“ котораго истинно смѣшонъ. Пушкинъ писалъ: „Тебѣ, кажется, болѣе нравится благовѣщеніе, но однако Елисей смѣшнѣе, слѣдовательно, полезнѣй для здоровья.“ Если подъ „благовѣщеніемъ“ понимать „Гавриладу,“ весьма естественно было бы сравнить эти двѣ поэмы. Но „Елисей или Торжество Ваха,“ шуточная поэма В. И. Майкова (1771), однако, едва-ли могла служить образцомъ для Пушкина; замѣчательная своимъ живымъ народнымъ языкомъ и нѣкоторой нецеремонностью сюжета, она была первой на Руси и типичной героико-комической поэмой въ стилѣ Буало: образецъ такой поэмы онъ далъ въ своемъ „Налобѣ“ (Lutrin).*) Уже это одно подчеркиваетъ различіе замысловъ Майкова и Пушкина; сходство поэмъ не могли итти далѣе общей для нихъ „веселости“ или „игривости“ изображенія: сюжетъ, поэтическая манера были совершенно различны. Изъ другихъ возможныхъ образцовъ для поэмы Пушкина могли быть тѣ произведенія, которыя помянулъ поэтъ въ „Городкѣ“ (1814), спрятанными въ „по таенну сафьянову тетрадь.“

Образцомъ могъ быть и Вольтеръ, съ нѣкогда плѣнившей Пушкина „Орлеанской Дѣвственницей“, которымъ Пушкинъ увлекался какъ разъ въ пору созданія „Гаврилады:“ объ этомъ упоминается и въ посланіи къ В. Л. Давыдову (1821):

Я сталъ уменъ и лицемѣрю
Пошусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь мои стихи.
Говѣтъ Инзовъ,—и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы.

Симпатіи Пушкина къ Вольтеру оживаютъ, какъ думалъ еще Незеленовъ, подъ вліяніемъ Байрона, который посвящаетъ ему нѣсколько строкъ въ „Чайльдъ Гарольдъ.“ Во всякомъ случаѣ, значеніе нѣкоторыхъ произведеній Вольтера для „Гаврилады“ требуетъ подтвержденій и проверки.

Пушкина интересовалъ въ Вольтерѣ, между прочимъ, и его скептицизмъ. Это можетъ быть подтверждено и замѣткой Пушкина о Байронѣ, въ которой онъ старается освободить его отъ обви-

Ты богоматерь: нѣтъ сомнѣнія—
Не та, которая красой
Плѣнила только духъ святой:
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть богъ другой; земного круга
Ему послушна красота;
То богъ Парни, Тибулла, Мура;
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я
Онъ весь въ тебя—ты мать Амура,
Ты богородица моя!

*) Сочиненія и переводы В. И. Майкова, подъ ред. Ефремова, СПб 1867, стр. LIІ.

неній въ безвѣрїи. „Вѣра внутренняя, пишетъ Пушкинъ, перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ творенїяхъ. Можетъ быть, даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравїемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденїю внутреннему.“

Такимъ временнымъ своенравїемъ ума были и религіозныя настроенїя поэта въ этотъ періодъ его жизни. Не будучи невѣрующимъ, Пушкинъ не былъ и скептикомъ. „Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse,“ записалъ онъ въ своемъ дневникѣ (9-го апрѣля 1821 г.). „Пушкинъ не могъ примириться съ мыслию о несуществованїи духовнаго міра“, говоритъ Незеленовъ и въ доказательство приводитъ черновой отрывокъ:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Прїютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка
Я все не вѣрую въ тебя,
Ты чуждо мысли челоуѣка,
Тебя страшится гордый умъ...

Въ религіозныхъ колебанїяхъ и сомнѣнїяхъ Пушкина отгадка тѣхъ его строфъ, гдѣ онъ кажется съ перваго взгляда убѣжденнымъ и насмѣшливымъ. Онъ нѣсколько свысока относится къ Библии; по разсказамъ Липранди, онъ рисуетъ на ломберномъ столѣ мѣломъ сестру молдаванина Кантази-Тереису—Мадонной, а на рукахъ у нея младенцемъ генерала—Шульмана, съ оригинальной большой головой, въ большихъ очкахъ, съ поднятыми руками,—но все это — „временное своенравїе ума.“ „Вѣра внутренняя“ перевѣшиваетъ въ немъ „скептицизмъ, высказанный мѣстами въ его творенїяхъ.“ *)

Такимъ образомъ, отказываться отъ „Гавриліады“ у Пушкина были основанїя и тотчасъ вслѣдъ за ея написанїемъ, тѣмъ естественнѣе его отреченїе шесть лѣтъ спустя, когда ближе были минуты, въ которыя написаны были „Отцы пустынники“ или „Странникъ.“ **)

Наиболѣе значительнымъ и несомнѣннымъ образцомъ для Пушкина были поэмы Парни „La guerre des Dieux“ (1799) и двѣ другія: „Les galanteries de la Bible“ и „Le paradis perdu“, объединенныя авторомъ въ сборникъ „Украденный Портфель“ 1805 г. Парни Пушкинъ хорошо зналъ уже въ Лицѣ; въ „Городкѣ“ онъ разсказалъ намъ, что въ его библиотекѣ:

Воспитаны Амуромъ,
Верже, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ.

Въ Кишиневѣ впечатлѣнїя юности постоянно осѣждали. ***) Значенїе Парни для „Гавриліады“ признавалось всѣми, кому приходилось писать о ней. На Парни указывали Огаревъ, Варте-

*) О религіозныхъ настроенїяхъ поэта см. у В. Гиппиуса, Пушкинъ и Христіанство СПб. 1916.

**) Добавимъ къ этому, что по свидѣтельству Л. Павлицева, Пушкинъ „величайшей глупостью“ считалъ „Царя Никиту,“ а отказываться отъ своихъ поэмъ и стихотворенїй легкаго содержания его принуждало еще и то обстоятельство, что ему постоянно приписывались произведенїя, ему не принадлежащія. „Подлость моихъ зоиловъ-завистниковъ, говорилъ Пушкинъ сестрѣ, дошла уже до того, что они стали приписывать моей дѣвственной музѣ,—какъ я узналъ отъ Дельвига, надїяхъ,—именно всякія неприличїя... Мнимыя мои сочиненїя ходятъ въ рукописяхъ по городу, а что всего хуже—съ моей подписью. Мерзавцы! Хотятъ меня утопить передъ людьми, достойными всякаго почтенїя, да и разговываютъ гдѣ только могутъ—сочиненные не мною, а ими же пошлости. Конечно, ни Дельвигъ, ни Плетневъ гнуснымъ клеветамъ на мою музу не повѣрятъ: они очень хорошо знаютъ, что я ея не оскверню стихами, которые и канальѣ Баркову не по плечу. Я же не Варновъ, а подавно не Маркизъ де-Сады.“ (Л. Павлицевъ. Воспоминанїя о Пушкинѣ М. 1890 стр. 148, ср. 149—151). Эти слова Пушкина относятся къ 1829 году. Любопытно, что по свидѣтельству того же Павлицева, лира Баркова и его послѣдователей пользовалась въ это время значительной популярностью, а извѣстный Ф. Ф. Вигель хвастался уцѣлѣвшимъ у него экземпляромъ романовъ Маркиза де-Сады, какъ извѣстно публично сожженныхъ по приказанїю Наполеона.

***) Поэмы Парни нашлись въ библиотекѣ Пушкина въ брусельскомъ изданїи 1827 г. (Библиотека Пушкина, по описи В. Л. Модзалевскаго №№ 1241, 1243); они частью разрѣзаны, что свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ интересовался ими и позже изданїя „Гавриліады.“ Возможно предположить, что онъ зналъ ихъ задолго до 1822 г. Въ „Божѣ“ (1815) находимъ слѣдующее мѣсто:

невъ—со словъ друзей поэта; въ туманныхъ выраженіяхъ, вынужденный къ этому цензурой, и потому почти бездоказательно говорилъ объ этомъ Ефремовъ,^{*)} за нимъ Морозовъ и рядъ комментаторовъ и издателей Пушкина. Но сближенія не шли дальше общихъ и случайныхъ указаній.

Парни эпохи директоріи мало напоминаютъ пѣвца Элеоноры, того poète élégiaque, который былъ такъ красивъ и изысканно-нѣженъ въ своей любовной печали. Пейзажи его тѣмъ напоминаютъ „сельскіе праздники“ и galantries Фрагонара, Ватто или особенно Буше, съ его декоративнымъ мастерствомъ, однообразіемъ сюжетовъ и „искусственно веселыми“ красками.

Свой элегическій тонъ Парни побѣдилъ къ концу своихъ дней, промѣнявъ его на скептицизмъ и остроуміе Вольтера, уже впрочемъ отживавшія, Пушкинъ долго былъ плѣненъ Парни-элегикомъ; влияніе Парни, по наблюденіямъ П. О. Морозова, ослабло только къ 1827 году, но степень увлеченія Парни Пушкинымъ была столь велика, что Пушкинъ увлекся и этой группой его поэмъ.

Къ этому, впрочемъ, были и другія основанія. Появленіе „Войны боговъ“, на примѣръ, было литературнымъ событіемъ. По выходѣ въ свѣтъ поэмы, о Парни писали, что онъ вступилъ въ соперничество съ Вольтеромъ и Аріостомъ. Шлегель посвятилъ поэмѣ сочувственную статью въ „Атенеумъ“; ее расхвалилъ Гренгенъ въ „Декадѣ“. Состязались въ сравненіяхъ и уподобленіяхъ: Парни превосходилъ древнихъ силою и убѣдительною чеканностью рѣчи; Катуллъ и Овидій, Анакреонъ и Гораций новаго времени, въ искусствѣ элегій онъ не имѣлъ себѣ равныхъ, въ области комической эпопеи онъ былъ соперникомъ Вольтера, и въ то же время былъ „pur et harmonieux comme Racine“ **).

Поэмы „Le paradis perdu“ и „Les galantries de la Bible“ примыкали къ „La guerre des Dieux“ и по своему стилю и по сюжетамъ. Въ „La guerre des Dieux“ картинно и съ частыми отклоненіями въ сторону эротической изобразительности изображалась борьба стараго языческаго олимпа съ новымъ, христіанскимъ. Въ „Galanteries de la Bible. Sermon en vers“ и „Le paradis perdu“ пересказывались извѣстные эпизоды изъ Библии:

Approchez, chrétiennes jolies.
De la Génèse les versets
Valent bien d'un roman anglais
L'horreur est les tristes folies.
Surmontez d'injustes dégouts;
Lisez; de la Bible pour vous
Je traduis les galantries.

(Les galantries de la Bible).

За Мильтономъ и Каморнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю,
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою:
Не бывалъ я грѣховодникомъ.

Нужно думать, что Мильтона Пушкинъ едва ли зналъ въ Лицеѣ, и потому Л. Н. Майковъ готовъ отнести это мѣсто на счетъ туманной фразы Вольтеровскаго Кандида. Не удобнѣ ли предположить, что Мильтона Пушкинъ могъ знать по частымъ ссылкамъ въ „Le paradis perdu“ Парни? Ср., напр., у Парни: „Après Milton, dans ces gouffres maudits c'est à regret que ma muse est tombée“ (ch. II). Оттуда же Пушкинъ могъ взять и картины битвы серафимовъ, и даже то, что обычно относятъ на долю Каморнса: „смѣшеніе языческихъ понятій съ христіанскими.“ Намекъ на знакомство Пушкина съ „Le paradis perdu“ можно усмотрѣть въ ст. 71—72 полной редакціи „Вишнии“ (1815).

*) Отмѣтимъ кстати, что стихи Парни:

Toi dont le nom est encor dans mon coeur
Premier objet dont j'ai tenté les charmes.
Pardonne moi—mon crime est mon bonheur,

которыя приводитъ Ефремовъ въ видѣ параллели къ стих. 329—355 „Гаврилады“ заимствованы имъ изъ „Le paradis perdu“ chant III (по изданію 1889 стр. 174).

***) Oeuvres complètes de Parny, Bruxelles. MDCCCXXIV, tome I, p. X.

Сходство „Гавриліады“ съ названными поэмами Парни *) сказывается не только въ стилѣ, но въ описаніяхъ или отступленіяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

У Парни:

Son vieux mari, très mauvais charpentier
Ne gagnant rien vivait dans la misère **)

У Пушкина.

Ея супругъ, почтенный человекъ,
Съдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селенѣ былъ единственный работникъ.

Разсказъ змѣя о грѣхопадении почти повторяетъ Парни въ „Le paradis perdu“.

De ce jardin Ève était la merveille.
Auprès d'Adam, à l'ombre d'un bosquet
Négligemment elle forme un bouquet,
Le jette ensuite, et sa bouche vermeille
Laisse échapper un long soupir d'ennui:
Qu'avec lenteur le temps coule aujourd'hui!
— Occupons-nous. Volontier, mais que faire?
— Cueillons des fleurs.—Toujours des fleurs!
Eh bien,
— Chantons un hymne. Oh! je ne chante rien.
— Dormons.—Encore? Dinons pour nous dis-
traire.

Je n'ais pas faim..

„ ..Quelle injusticel

Du Dieu jaloux quel étrange capricel
Mais sans amour peut on multiplier?
Sottise, erreur, j'y veux remédier ***)

. . . младая Ева

Въ своемъ саду, скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ уныніи цвѣла.
Всегда одни, глазъ на глазъ, мужъ и дѣва
На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ
Въ спокойствіи вели свой тихій вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность,
Ни роши сѣнь, ни молодость, ни праздность,
Ничто любви не воскрешало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, жили, ѣли.
Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ...
Что скажешь ты?—Тиранъ несправедливый,
Еврейскій Богъ, угрюмый и строптивый,
Адамову подругу полюбя
Ее хранилъ для самого себя
.
Мнѣ стало жаль прелестной Евы,
Рѣшился я, создателю на зло,
Разрушить сонъ и юноши и дѣвы.

Къ этой же картинѣ близокъ первый эпизодъ „Les galantries de la Bible“. Прилетѣть голубя находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ описаніи Парни „l'oiseau d'amour“ ****), хотя нѣкоторыя детали могли быть навѣяны также и „Ледой“ Парни, которой Пушкинъ подражалъ еще въ 1814 г.

L'oiseau d'amour parait; il lui présente
Le fruit mortel, qu'elle a trouvé si doux,
Elle sourit, et sa main caressante
Flatte l'oiseau placé sur ses genoux.
Il les couvrait d'une aile frémissante.
Il osc plus; de son bec amoureux
D'azure effleur un sein voluptueux;
Et de la bouche il entr'ouvre la rose.
Eve soupire, et dans son trouble heureux
Sur une main sa tête se repose.

Богъ „Гавриліады“ мало похожъ на „Еврейскаго бога“, какъ его называетъ Пушкинъ, и напоминаетъ скорѣе того Юпитера, какимъ его любилъ изображать XVIII вѣкъ. Наконецъ, и образъ Маріи, быть можетъ, стоитъ въ зависимости отъ Парни:

Шестнадцать лѣтъ—невинное творенье,
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движеніе,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ.

*) О поэмахъ подробнѣе у П. Морозова. Пушкинъ и Парни. Брокг. Ефр. I, 383.

***) Parny, guerre des Dieux, ch. IV, Paris 1889, p. 47—48.

****) „Le paradis perdu“ изд. 1889, г.р. 167, 168.

*****) Ibid., 184.

У Парни:

„Quel air commun quelle sottе coiffure“!
 Belle Marie, au Tivoli des cieux
 Ainsi parlaient tes rivales altières:
 Mais n'en déplaie à ces juges sévères
 De grands yeux noirs, doux et voluptueux,
 Des yeux voilis par de longues paupières,
 Quoique baissés sont toujours de beaux yeux;
 Sans qu'elle parle une bouche de rose
 Est éloquente, et même on lui suppose
 Beaucoup d'ésprit: de pudiques tétons
 Bien séparés, bien ronds,
 Et couronnés par une double fraise,
 Chrétiens ou juifs, pour celui qui les baise
 Ne sont pas moins de fort jolis tétons. *)

Картины Пушкина, однако, ярче, живѣе и болѣе сжаты, тогда какъ Парни въ нихъ кажется порою скучнымъ, несмотря на то, что онъ старается оживить ихъ двусмысленностью или остротой. „Гаврилада“ оставляетъ далеко за собой свои образцы; ея поэтическія красоты искупаютъ ея „вольности“. Неудивительно, что она пользовалась популярностью. Ее, быть можетъ, зналъ и Лермонтовъ, и это знакомство сказалось въ „Демонѣ“:

У Пушкина:

„Кто ты, змѣя? По лѣстивому напѣву,
 По красотѣ, по блеску, по глазамъ
 Я узнаю того, кто нашу Еву
 Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
 И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.

 — Полы васъ обманули,
 И Еву я не погубилъ, а спасъ,
 „Спасъ“! отъ кого?
 — Отъ Бога
 „Врагъ опасный!“
 — Онъ былъ влюбленъ
 „Послушай, берегись“
 — Онъ къ ней пылалъ—
 „Молчи“
 — Любовью страстной
 Она была въ опасности ужасной.

У Лермонтова:

Т а м а р а . О, кто ты? Рѣчь твоя опасна...
 Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
 Чего ты хочешь?
 Д е м о н ъ . Ты прекрасна.
 Т а м а р а . Но молви, кто ты? отвѣчай!
 Д е м о н ъ . Я тотъ, которому внимала и т. д.

Здѣсь можно усмотрѣть сходство въ діалогической формѣ разсказа и оживленности разговора, да и соперничество Ангела и Демона въ кельѣ Тамары напоминаетъ нѣсколько единоборство Гавриила съ сатаной, опять таки заимствованное Пушкинымъ у Парни.

Въ нѣкоторой зависимости отъ Пушкина, быть можетъ, находится и образъ Тирзы—еврейки въ „Сашкѣ“, характеризованный чертами, напоминающими Марію „Гаврилады“. Въ данномъ случаѣ, однако, нужно помнить также о женскомъ образѣ „Испанцевъ“, навѣянномъ Лермонтову Лессингомъ или Вальтеръ-Скоттомъ.

Кажется, опредѣленнѣе сказалось вліяніе „Гаврилады“ въ поэмѣ „Марія“ Т. Шевченко (1859). Концепція одного и того же сюжета у Пушкина и Шевченко различны; подлинный лиризмъ и мягкія, теплыя краски поэмы Шевченко значительно разнятся отъ общаго стиля „Гаврилады“; у Шевченко евангельскій эпизодъ пересказанъ распространеннѣе, и въ разсказѣ нѣтъ ничего арелігіознаго—напротивъ, вся поэма проникнута подлиннымъ религіознымъ волненіемъ, но детали могутъ

*) Guerre des Dieux, ch. I, p. 10. Указанныя параллельныя мѣста, конечно, далеко не исчерпываютъ сходства между поэмами: оно заслуживало бы спеціального и подробнаго разбора.

быть сближены съ поэмой Пушкина. Архангель Гавриілъ, очеловѣченный у Шевченко, напоминаетъ Пушкинскаго Гавриіла не только своею внѣшностью, но и своимъ поступкомъ. Напоминаетъ Пушкина и рассказъ Шевченко о жизни Маріи у Іосифа.

У Іосипа, у тесляря
 Чи в бондаря того сьвятого,
 Марія в наймичках росла,
 Росла собі и виростала,
 І на порі Марія стала,
 Рожевим квітом розбувіла,
 В убогій и чужій хатині,
 В сьвятому тихому раю.
 Теслярь на наймичку свою
 Неначе на свою дитину
 Теслу було і струг покине
 Та й дивиться... *)

Но различіе поэмы ясно уже изъ этой параллели. Картина семейной обстановки у Шевченки уютнѣе и мягче. Отеческія отношенія Іосифа къ Маріи у Пушкина, слѣдовавшаго Парни, трактованы иначе. Иной была и цѣль написанія поэмы: къ Мадоннѣ заступницѣ обращался Шевченко, къ утѣшительницѣ въ печали и скорби.

Въ настоящей замѣткѣ мы собрали нѣсколько фактовъ, относящихся къ исторіи поэмы: ея замысла, писанія и ея возможнаго вліянія на послѣдующую литературу. Какъ бы они ни были случайны, они помогаютъ оцѣнить выдающееся значеніе поэмы не только для творчества Пушкина, но и для всеобщей исторіи литературы — а это, думается, лучше всего указываетъ на безспорную заслугу Брюсова, рѣшившагося, вопреки общепринятому мнѣнію, настаивать на ея значеніи и предпринявшаго не малый трудъ по изданію исправнаго текста поэмы. Въ этомъ—его оправданіе отъ тѣхъ возможныхъ преслѣдованій и нареканій по поводу изданной имъ поэмы, отъ которыхъ она, нужно думать, къ сожалѣнію, не скоро избавится.

М. П. Алексѣевъ.

*) Твори Тараса Шевченка, Том II; У Львові, 1912, стр. 292.